

Геостратегические императивы признания Израилем суверенитета Сомалиленда

Комментарий Центра АРВАК, 16.01.2026

Аннотация

АРВАК анализирует причины и последствия признания независимости Сомалиленда со стороны Израиля в конце 2025 года. Рассматриваются интересы американо-израильского тандема в регионе Африканского Рога, стратегия вытеснения китайского влияния и нейтрализации турецкого военного присутствия. Особое внимание уделяется проекту коридора ИМЕС, строительству канала Бен-Гурион, а также гипотезе о релокации палестинского населения из сектора Газа на территорию Сомалиленда в рамках пакетной сделки по легитимизации Харгейсы.

Ключевые слова: Сомалиленд, Израиль, Африканский Рог, Красное море, Авраамовы соглашения, геополитическая дестабилизация, ИМЕС, канал Бен-Гурион, Турция, Эфиопия, Египет, Китай, палестинский вопрос.

1. Дипломатический прецедент и расширение «Авраамического клуба»

В конце декабря 2025 г. высшие должностные лица Израиля заявили о признании независимости государства Сомалиленд. Министр ИД Гидеон Саар написал в соцсети, что стороны установят «полные дипломатические отношения, включая назначение послов и открытие посольств». В свою очередь премьер-министр Биньямин Нетаньяху акцентировал внимание на намерении Израиля «немедленно расширить» сотрудничество с Сомалилендом в высокотехнологичных секторах, здравоохранении и агропромышленном комплексе. По сведениям источников, аффилированных с израильскими правительственными кругами, Тель-Авив и Харгейса также инициировали консультации по вопросу вхождения Сомалиленда в систему т. н. «Авраамовых соглашений». Согласно ряду экспертных оценок, процедура интеграции Харгейсы в данную политико-дипломатическую инициативу будет реализована в форсированном режиме, опережая сроки других потенциальных стран-кандидатов «Авраамического клуба».

2. Позиция Вашингтона: дистанцирование и патронаж

По признанию ряда экспертов, легитимизация Израилем субъектности Сомалиленда хотя и не стала абсолютной неожиданностью, вызвала заметный резонанс ввиду выбранной временной конъюнктуры и экстренности мер по формированию союзнических отношений между Тель-Авивом и Харгейсой. Согласно американским источникам, данная новость удивила даже президента США Дональда Трампа, который в интервью *New York Post* дистанцировался от вопроса, заявив о слабой осведомленности о внутренней специфике Сомалиленда и отметив, что признание его независимости на текущем этапе не входит в оперативную повестку Соединенных Штатов.

Однако системный политический анализ позволяет утверждать, что израильская инициатива де-факто не могла быть реализована без предварительного консенсуса с Вашингтоном. Речь идет о геостратегически значимом регионе, играющем ключевую роль в ближневосточной, африканской и глобальной евразийской стратегии США. Следовательно, реакцию Д. Трампа следует интерпретировать либо как следствие

специфики принятия решений внутри его администрации, либо как проявление крайней дипломатической осторожности в оценке динамично меняющейся ситуации на Африканском Роге.

3. Историческая рефлексия и «сомалийский синдром» США

Исторический дискурс указывает на то, что проблема Сомали является критическим фактором в новейшей американской истории. События октября 1993 г. в Могадишо стали единственным прецедентом, который заставил США официально признать неэффективность интервенции и осуществить поспешный вывод военного контингента. В американском общественном сознании и среди части политических элит сохраняется так называемый «сомалийский синдром», связанный с девальвацией внешней политики и неоправданным вмешательством в дела стран «третьего мира». Вероятно, именно данная историческая рефлексия побуждает администрацию Д. Трампа на текущем этапе демонстрировать формальную дистанцированность от израильского демарша при одновременной латентной поддержке инициативы всеми доступными инструментами. Признание суверенитета Сомалиленда не является автономным актом Тель-Авива, а выступает элементом стратегической программы американо-израильского тандема по ревизии архитектуры безопасности и баланса сил в акватории Красного моря.

4. Риски для Джибути

По сведениям ближневосточных источников, признание Тель-Авивом независимости Харгейсы, помимо протеста международно признанных властей в Могадишо, вызвало резко негативную реакцию со стороны Турции, Египта и Джибути. Республика Джибути, значительный этнический субстрат которой составляют сомалийцы, традиционно поддерживает тесные связи с Могадишо и не заинтересована в дезинтеграции сопредельного государства, опасаясь роста региональной напряженности. Для Джибути критически важна пролонгация хрупкого баланса сил. Предоставляя свою территорию для военных баз США (Кэмп-Лемонье), КНР (Дорале), Франции, Италии и Японии, страна стремится обеспечить консенсус безопасности и площадку для латентного сотрудничества глобальных конкурентов. Появление нового субъекта международного права, готового разместить израильскую военную инфраструктуру, способно разрушить сложившийся статус-кво и дестабилизировать геополитическую ситуацию вокруг Джибути.

5. Угроза интересам Египта

Египет также демонстрирует жесткое неприятие израильской инициативы, руководствуясь двумя стратегическими факторами. Во-первых, Каир фиксирует стремление недружественного Израиля закрепиться в Аденском проливе для установления оперативного контроля над торгово-транспортной логистикой Красного моря. Это, по сути, ставит под перманентную угрозу экономическую безопасность Египта, критически зависимого от транзита через Суэцкий канал. Во-вторых, Каир обеспокоен перспективой получения Эфиопией – своим стратегическим соперником – экстерриториального доступа к Индийскому океану через порт Бербера в Сомалиленде. В последние годы эфиопско-сомалийские отношения были крайне осложнены из-за

территориальных споров и неприятия сомалийскими властями попыток Аддис-Абебы решить вопрос выхода к морю в обход законного и международно признанного правительства в Могадишо. В 2024 г. наметилось относительное потепление отношений между Эфиопией и Сомали, однако признание Израилем независимости Сомалиленда может способствовать смене курса Аддис-Абебы на союзнические отношения с Харгейсой, поскольку в этом случае Эфиопия может получить «легитимный» и безопасный торгово-транспортный коридор к морю, крайне необходимый для поддержания наблюдаемого в последние годы экономического роста страны.

В Каире опасаются подобного сценария, поскольку рассматривают Аддис-Абебу в качестве главного военно-политического и экономического соперника на Африканском континенте. В 2025 г. обе страны были очень близки к военному конфликту, поводом для которого стали споры из-за «Великой Эфиопской плотины возрождения» (GERD), которая резко сократила объем вод Голубого Нила, поступающих на египетскую территорию. Хотя усилиями США, ЕС и Организации Африканского союза египетско-эфиопское военное столкновение удалось предотвратить, конфликт не был исчерпан и перешел в латентное состояние. В сложившихся условиях признание суверенитета Харгейсы может стать катализатором новой эскалации и спровоцировать прямой египетско-эфиопский вооруженный конфликт.

6. Соперничество с Турцией

Инициатива Израиля также вызвала беспрецедентно жесткую реакцию Турецкой Республики. В последние годы Анкара реализовывала стратегию глубокого закрепления в Африке, сфокусировавшись на северо-восточном побережье. Турецкое присутствие в Ливии (участие в военной кампании 2020 г. против сил маршала Халифы Хафтара и в поддержку «Правительства национального согласия»), а также нормализация отношений с Египтом на базе антиизраильского консенсуса после событий 7 октября 2023 г. значительно укрепили позиции Анкары. Особым достижением стало функционирование крупнейшей зарубежной военной базы Турции в Сомали, действующей с 2017 года. Официальный Могадишо до настоящего времени квалифицирует турецкое военное присутствие как гарант внешней и внутренней безопасности Сомали, позволивший минимизировать активность Аш-Шабаб и других исламских группировок на территории страны, а также способствовавший качественной подготовке и обучению сомалийской правительственной армии методам ведения современных войн. Турция осуществляет масштабные программы по перевооружению подконтрольных Могадишо сил и обеспечению защиты морского и воздушного пространства Сомали. Подобное обширное военное присутствие Анкары в Сомали позволяет ей выступать в роли значительного внешнего игрока в регионе Африканского Рога и Красного моря, а также транслировать свои интересы вглубь африканского континента.

7. Риски стратегической изоляции Анкары

Легитимизация Сомалиленда Израилем открывает новый фронт турецко-израильского противостояния. Официальная дипломатия Анкары охарактеризовала данный акт как «очередной пример израильского экспансионизма и попытку

дестабилизации ситуации на Африканском Роге». При этом аффилированные с властью оппозиционные силы, в частности лидер «Партии будущего» Ахмет Давутоглу, высказываются в более радикальном ключе, указывая на стремление Израиля к стратегическому окружению Турции. По мнению турецких аналитиков, контроль Израиля над морской логистикой, обеспечивающей снабжение турецких объектов в Сомали, в сочетании с израильско-кипрским альянсом в Средиземноморье и поддержкой курдских элементов в Сирии и Ираке, направлен на стратегическую изоляцию Анкары. Дестабилизация Ирана также рассматривается в данном контексте как фактор, способный усилить нестабильность на восточных рубежах Турции.

Можно предположить, что радикальная риторика турецких элит отражает глубокую обеспокоенность официальной Анкары возможными экзистенциальными угрозами своим интересам. Кроме того, сложившаяся ситуация способствует формированию нарратива о тактическом сближении Турции и Китая. Пекин уже жестко осудил признание суверенитета Харгейсы, исходя из логики собственных подходов к тайваньскому вопросу (принцип неделимости Китая), а также угрозы безопасности своей военной базы в Джибути и перспективы утраты контроля над торговой логистикой в Красном море и Суэце. В Анкаре исходят из того, что признание Израилем Сомалиленда – это не столько инициатива самого Сомалиленда, сколько элемент глобальной стратегии США по переформатированию геополитической и геоэкономической архитектуры Евразии. В Турции осознают, что в сопредельных регионах стартовал глобальный процесс, остановить который она не в состоянии и может лишь посредством политико-дипломатических маневров стремиться к тому, чтобы США учитывали наиболее важные компоненты ее национальных интересов.

8. ИМЕС против «Одного пояса, одного пути»

Очевидно, что США приступили к форсированному осуществлению антикитайского плана до завершения второго президентского срока Д. Трампа. Союзный КНР Иран стоит перед угрозой интервенции и ликвидации его целостности. Иранские маршруты китайской инициативы «Великого шелкового пути» («Один пояс, один путь») оказались под угрозой перманентной дестабилизации и блокировки. Транскаспийский и Южно-Кавказский коридоры постепенно переходят под патронат США (TRIPP). Также Вашингтон способствует дестабилизации региона Персидского залива, тем самым аннулируя потенциал мультимодального торгово-экономического маршрута «Север–Юг» и подрывая роль ближневосточной нефти и газа на мировом энергетическом рынке.

Тем самым Вашингтон расчищает площадку для собственного проекта ИМЕС, связывающего Азию с Европой. В этой конфигурации Израиль должен стать ключевым хабом, замыкающим на себе сухопутные маршруты через Сирию, Саудовскую Аравию и Иорданию, а также морскую логистику в Красном и Средиземном морях. С этой целью в кулуарах израильского-американского стратегического союза идет подготовка к осуществлению военно-политической программы «Коридор Давида» и экономического мегапроекта «Канал Бен-Гурион» в районе Эйлата, который в перспективе должен отобрать у египетского Суэца монополию на ключевую транзитную роль в системе международной морской торговли между Европой, Азией и Африкой. В

данной связи признание независимости Сомалиленда может рассматриваться как первый шаг на пути военно-политического освоения Израилем региона Красного моря. В дальнейшем, возможно, последуют меры по милитаризации нового государства американо-израильским тандемом, вытеснению иностранного, прежде всего китайского, военного присутствия в регионе, а также по окончательной ликвидации хуситского фактора на восточном побережье Красного моря.

9. Гуманитарная составляющая и Палестинский вопрос

В контексте сомалийских событий представляет особый интерес тот факт, что признание Харгейсы Израилем хронологически совпало с беспрецедентной волной дестабилизации в Иране, а также с завершающим этапом создания «Совета мира» по управлению Газой и ее восстановлению под руководством США. Иранская повестка, безусловно, целиком сконцентрирует внимание исламского мира на себе, тогда как США и Израиль на этом этапе постараются минимизировать палестинский фактор, не представляющий интерес в контексте проекта Д. Трампа и Б. Нетаньяху по формированию на территории Газы «Ривьеры Ближнего Востока». Существует мнение, что признание Сомалиленда Израилем, помимо стратегических интересов, было частично обусловлено планами по переселению на его территорию значительной части палестинского населения из Газы. В течение последних двух лет Тель-Авив вел безуспешные переговоры с рядом исламских стран относительно перспектив приема ими жителей Газы, однако без видимых результатов. Вероятно, самопровозглашенные власти Сомалиленда во главе с президентом Абдирахманом Мухамедом Абдуллахи выразили готовность принять беженцев в обмен на политическую легитимацию, гарантии военной защиты со стороны Израиля и масштабные финансовые преференции.

10. Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что первичный этап международно-правовой легитимизации нового субъекта на Африканском Роге завершен. Данный прецедент де-факто формирует новую геополитическую реальность и радикально трансформирует региональный баланс сил.

Крупные региональные акторы (Турция, Египет, Саудовская Аравия), а также ключевые внерегиональные игроки (КНР) сталкиваются с необходимостью адаптации к условиям существенного сужения своих зон влияния в акватории Красного моря. Инициатива Иерусалима, по всей видимости, не является автономным актом, а выступает в качестве авангарда обновленной доктрины США в Азии и Африке.

В среднесрочной перспективе конкуренты Израиля в зоне Африканского Рога, вероятно, будут вынуждены ограничиваться инструментами политико-дипломатического маневрирования. Это обусловлено текущим пиком внешнеполитической активности Вашингтона, демонстрирующего готовность к жесткому пресечению любых попыток нарушения установленных «красных линий». Милитаризация Сомалиленда и его интеграция в проамериканскую архитектуру безопасности становятся свершившимся фактом, определяющим вектор развития региона на ближайшее десятилетие.